

ШКОЛА БЫВАЛЬСКОГО

Пётр Бывальский,
педагог

1. Пороки входят в состав добродетели, как ядовитые снадобья в состав целебных средств.
2. Вакса чернит с пользой, а злой человек — с удовольствием.
3. Философ легко торжествует над будущемо и минушею скорбями, но он же легко побеждается настоящею.
4. Небо, усеянное звёздами, всегда уподоблю груди заслуженного генерала.
5. Глядя на мир, нельзя не удивляться!
6. В здании человеческого счастья дружба возводит стены, а любовь образует купол.

Козьма Прутков. «Плоды раздумья»

СТИМУЛ К ТВОРЧЕСТВУ ИЛИ СОБЕС?

Педагоги — народ закалённый. Чего только не бывает порою на уроках и в общении с нашими непростыми детками! И здесь каждый находит свой способ не запаниковать и не подать виду, что растерялся. Наверное, поэтому меня всегда пугают учительские слёзы. Как же нас, администрацией давимых, учениками доводимых, терпеливо живущих на убогую зарплату, надо, говоря языком наших детей, «достать», чтобы их вызвать?

Коллега, которую я увидел, заскочив в учительскую, плакала навзрыд, не прячась и не стесняясь. Кто-то пытался её успокоить, кто-то отходил в сторону, виновато опуская глаза. Я перебрал в голове все возможные причины: смерть близких родственников, вызов к директору с жутким разносом, но не угадал. Немолодая женщина, которая своей интеллигентной мягкостью и непреклонной справедливостью вызывала уважение даже у наших сорвиголов, безутешно рыдала, вернувшись с аттестационной комиссии.

Наверное, сегодня аттестация становится вторым стрессогенным фактором после зарплаты (потому что проходит не ежемесячно) в работе педагога. Возможно, что, придумывая её в недрах министерства, как всегда, исходили из наилучших побуждений, не предполагая, что подтверждение квалификации и творческого роста учителя породит столько горестных переживаний и обид. А сколько копий ломается вокруг правил проведения аттестации?! На многочисленных семинарах говорят длинные речи, научные работники ведут исследования, но всё без видимого результата. Многим казалось, что с введением этого нового критерия систему оплаты труда педагога удастся сделать гибче, что смогут быть оценены не только опыт и умения выдавшего виды ветерана, но и творческий порыв, яркий талант молодых! Только вот имело ли смысл вводить новые критерии столь поспешно и тотально? Стоило ли закреплять это новшество в Законе об образовании, где оно смотрится просто чужеродной вставкой?

Конечно, главная идея благородна: аттестация должна стать механизмом творческого роста учителя. Всё бы хорошо, но представьте себе хирурга, которому пришло в голову заниматься творчеством во время рядовой операции аппендицита и вместо ненужного отростка удалить что-нибудь другое. В лучшем случае это сошло бы за врачебную ошибку, в худшем — за преступление. Как известно, в медицине, пока новация дойдёт до пациента, изрежут столько всякой живности, что на маленький зоопарк хватит. Да и тех, кто эти новшества придумывает, можно по пальцам пересчитать, а остальные врачи просто честно, по не ими разработанным правилам лечат нас, грешных. А творец — врач он, художник или педагог — это мастер, из опыта, интуиции и вдохновения которого иногда рождается Чудо.

Открытия не бывают случайными. О том, что Менделеев свою таблицу во сне увидел, общеизвестно, а вот сколько он бессонных ночей провёл, комбинируя её и выстраивая, мало кто знает и помнит. Много ли Менделеевых оказалось среди химиков? Творчество — дело штучное и непростое. Когда же его «назначают» основным критерием повседневной работы, то результат может быть только один — профанация. А ведь сотни, тысячи учителей каждый год пишут к аттестации авторские программы. К счастью, большинство из программ забы-

вается сразу после получения вожеленного разряда, но ведь какая-то их часть честно доводится до учеников и исполняется. Кто может поручиться, что результаты их применения положительны?

Очевидно, что большинство инноваций не выдерживает серьёзного анализа, но его и нет. Экспертиза необъективна, потому что все выполняют очередную формальность, ставящую педагогов в зависимость от администрации и членов аттестационной комиссии. Как же здесь обойтись без обид? К тому же множественность программ порождает погоню за многообразием курсов и предметов. Меня потрясла одна провинциальная школа, в учебных планах которой (вместе с курсами и факультативами) я насчитал сто сорок предметов!

Обидно и другое: выхолащивая идею творческого роста, аттестация из светлого праздника педагогического искусства превращается в бессмысленную и беспощадную инквизицию. Она тем более унизительна, поскольку разница между меньшим и большим творцом исчисляется рублями, и за такие гроши идёт нелёгкая битва. До творчества ли в этой борьбе? Так, учителя, работающие по системам Занкова или Давыдова, считаются новаторами, а следовательно, имеют право на получение более высокого разряда. Что уж там не доделали Занков с Давыдовым и что так долго и терпеливо договаривают за них педагоги — одному Богу известно. Дело в другом — именно повышение разряда для двух третей рядовых учителей стало главным мотивом работы в инновационном режиме.

Всё бы ничего, если бы новые программы не использовались сплошь и рядом там, где они просто опасны для здоровья детей. Рассчитанные на сильных учеников, они вдруг появляются в классах, в которых впору проводить коррекцию умственного развития, где у детей ослабленное здоровье и они просто не смогут вынести повышенных нагрузок. Учителю же нужен более высокий разряд, и он готов любой ценой выжать из государства жалкую подачку.

Как же воспринимают аттестацию сами учителя? Беготня для сбора необходимых бумажек, долгое сидение в очередях, чтобы их сдать и быть выслушанным комиссией, не прибавляют им энтузиазма. Всё это мало напоминает светлый праздник педагогического мастерства. Особенно трудна и унизительна эта процедура для людей пожилого возраста, которых сейчас так много в школе. Сердобольные комиссии часто аттестуют их из жалости, придавая процедуре явно собесовский привкус.

Надо отметить, что в последнее время процедура аттестации наладилась, но сопровождающая её нервоотрёпка доводит до печальных случаев. Стоит ли напоминать, что аттестация — кнут в руках администрации? Это порождает массу обид, истерик и подозрений. Искусство сталкивать интересы людей, конечно, тоже требует немалой изобретательности, но разве в этом цель аттестации? Не слишком ли много пара уходит в гудок? Конечно, можно придумывать всё более изощрённые процедуры аттестации, но это — путь в никуда. Необходимо набраться мужества и отказаться от неё или сделать эту процедуру совершенно формальной.

Как же в таком случае способствовать творчеству учителя? Пока очевидно одно: нельзя ставить знак равенства между инновацией и творчеством. Существующие критерии их оценки трудно подвергнуть формализации. Но если уж их разрабатывать, то следует исходить из реального положения учительства, а не из придуманных чиновниками схем. Пока же аттестация не решает ни одной из заявленных задач.

СТАЖИСТЫ

В школах встречается всё меньше не только мужчин, но и молодых учительских лиц. Средний возраст педагогов давно перевалил за 40. Школа стареет и неумолимо приближается к тому дню, когда в класс некому будет войти. Мало успокаивает и тот факт, что сегодня учителя умирают в классах, как актёры умирают на сцене, — до последней минуты оставаясь в родной школе. Так происходит потому, что в школе — вся их жизнь и ещё потому, что за ними зияет пустота.

Этих людей неофициально называют «стажистами». С одной стороны, они накопили богатый опыт преподавания, умудрены знанием детской души, а с другой — с возрастом

немало и потеряли. Ушла острота восприятия, способность восторженно переживать и сочувствовать детям. Даже такие традиционно волнующие учителей события, как праздник знаний, выпускной бал, уже не вызывают у них прежнего чарующего состояния, разве что — чувство облегчения: ещё один трудный год закончен и впереди отдых от бурных школьных событий.

Процесс старения учительских кадров начался довольно давно. Уже в середине восьмидесятых мне в летнем лагере пришлось работать с прекрасной командой будущих молодых педагогов — учителей иностранного языка. По тому, как увлеченно они включились в обычную лагерную кутерьму, как готовили многочисленные праздники, играли в волейбол и просто говорили со своими питомцами, было заметно, что педагогический труд для них не в тягость. Тем не менее в неформальных разговорах большинство из них открыто призналось, что в школе они не задержатся и что уже сейчас ищут работу, более соответствующую их языковой подготовке. Прошли годы, и сегодня в нашей школе ощущается недостаток именно учителей иностранного языка. Зато открылось огромное количество курсов, где за солидные деньги обучают любому языку. Возможно, что где-то там работают и давние мои знакомые.

Маловероятно, что в ближайшее время что-то кардинально переменится. Молодые педагоги особенно уязвлены в зарплате, и сколько бы они ни любили детей, ни стремились в школу, жизненные реалии жёстко напоминают им о себе. Недавно я побывал в городе Мирном, что в Якутии — центре добычи алмазов. Местные учителя зарабатывают там по нашим меркам немало — до двух с половиной тысяч рублей в месяц — учителям бы средней полосы такие заработки, но цены! Батон хлеба стоит 15 рублей, пакет молока — 35, а сока — почти полтинник. Вот и покупают педагоги своим детям одно яблоко, один апельсин и всё остальное — также штучно, а о полкило фруктов за один раз никто даже и не мечтает. Рядом же в фирме по добыче алмазов уборщицы получают по 10 тысяч рублей в месяц. И среди них почти сплошь бывшие учительницы. А что — аккуратные, ответственные — хозяева не нарадуются. Неудивительно, что при таком положении в конце каждого учебного года из школы уходит до четверти состава педагогов. Тем же, кто остаётся, приходится преподавать по 50 часов в неделю. При таких нагрузках не спасает ни молодой задор, ни возрастная близость к своим питомцам, ни горячее желание дать им хорошие знания. Разумеется, что и с качеством преподавания возникают проблемы. У учителя просто нет сил ярко и интересно донести до учеников свой предмет.

В таких условиях даже молодым людям не мудрено быстро и безвозвратно потерять здоровье, а что делать, если у тебя за плечами не одно десятилетие педагогической практики? Если раньше учитель мог позволить себе отдохнуть в каком-нибудь санатории, то сегодня — это для него непозволительная роскошь. Единственным местом учительского отдыха становится дача где-то в пригороде или огород в сельской местности. Привыкшие «пахать» в школе и не получающие от такой работы удовольствия учителя подчас находят на своих клочках земли не столько пропитание, сколько отдохновение. В Северске, где недавно пришлось побывать, за учителями-садоводами прочно закрепилось уважительное прозвище «мичуринцы». И всё же обидно, что рядовой учитель не может позволить себе хотя бы недельку понежиться на солнышке у тёплого моря в уже не нашем, но ещё родном Крыму.

Старение педагогических кадров, эмоциональная и физическая изношенность значительной части учителей — вот реальное положение вещей сегодня. И здесь впору задуматься. А чем государство воздаёт педагогам, отработавшим по 20–25 лет и продолжающим трудиться в школе? Да ничем. Ведь в начале 90-х годов в погоне за стимулом к педагогическому творчеству чиновники отменили надбавки за стаж. Тогда много и страстно говорили о вопиющей несправедливости, когда молодая, талантливая, горящая на работе Стелла Эдуардовна несправедливо получает меньше недалёкой и скучной Марии Ивановны. Теперь же оказалось, что бойкой Стеллы давно уже в школе нет, а вот Мария Ивановна осталась. И прямо скажу, **необходимо восстановить вновь и, чем скорее, тем лучше, вернуть в школу оплату за стаж 10, 20, 25 и 30 лет.** Это поддержит силы учителей, покажет немолодым педагогам, что о них действительно думают. И хотя идут разговоры о том, что такие выплаты

вскоре появятся, мы хорошо знаем, как длинен путь от обещаний до их исполнения. И дело здесь не только в деньгах. Вспомним, как в начале 50-х годов лучшим учителям, проработавшим 20 лет, торжественно вручали орден Трудового Красного Знамени, 25 лет — орден Знак Почёта, а 30 — орден Ленина. Может быть, и сейчас стоит представлять педагогов со стажем к ордену «За заслуги перед Отечеством»?

Главное же в том, чтобы общество поняло, что за десятилетия работы в школе здоровью педагога наносится непоправимый вред. Это прекрасно понимали в дореволюционной школе, где все учителя после 20 лет работы получали пенсию, на которую можно было сносно жить. Наша же невероятным трудом восстановленная пенсия за выслугу лет унизительно мала и получать её могут не все из тех, кто десятилетиями честно работал с детьми. Нам остаётся только мечтать об отношении к учителям и преподавателям, существующем на Западе. Там каждый педагог, проработавший 6 лет, получает годичный оплачиваемый отпуск с полным сохранением содержания, который использует по своему усмотрению: путешествует по миру, совершенствует своё педагогическое мастерство или просто отдыхает дома.

Если мы сейчас не сделаем шагов к укреплению социального статуса учителя хотя бы через надбавки за стаж, то потеряем последние стимулы для работы в школе и даже грядущая демографическая яма и связанное с этим вынужденное сокращение учителей положения уже не спасут.

РУССКОЕ ЧУДО

В хрестоматийном «Филиппке» деревенский мальчишка преодолевает множество препятствий и, побеждая свои страхи, оказывается в натопленной избе, где расположена школа. Это незатейливое строение возводилось всей деревней, и, покуривая табачок, мужики не спеша обтёсывали брёвна, чтобы возвести храм науки, столь непохожий на помпезные здания городских гимназий.

Прошло совсем немного времени, и с прямодушным энтузиазмом на просторах СССР от Ставрополя до Камчатки стали возводиться здания школ, как близнецы похожие друг на друга. Ни один район новостроек не мог быть принят без социально-культурного комплекса, в который входила школа. Дети всей страны должны были в начальном звене уметь читать, в среднем — овладевать рабочими профессиями, чтобы влиться в ряды самого передового класса, а некоторая часть из них могла даже добраться и до вузовской скамьи. Школа, как и многое другое, была маленьким винтиком мощной системы, и государство заботливо ухаживало за этой частью своего механизма.

Сегодня же огромное наследство в виде разветвлённой сети зданий школьных и дошкольных учреждений стало тяжёлым бременем. Даже по официальной статистике в одной только Москве около 10% школ находится в аварийном состоянии. Вот и в моей школе на неопределённое время пришлось отменить уроки физкультуры, когда в результате лёгкой пробежки старшеклассников по залу обвалилась часть штукатурки с потолка. К счастью, дети не пострадали, но пострадал учитель, получивший несколько ссадин.

Несмотря на то что такие факты, похоже, перестают быть единичными, руководство сохраняет удивительное хладнокровие. Собранные на «круглый стол» к высокому чиновнику из московского правительства директора посетовали, было, что не ручаются за сгнившую проводку, которая может привести к несчастным случаям. Пожаловались и нарвались на энергичное объяснение, что правительство всё знает, но отвечать за неурядицы в подведомственных учреждениях будут только их руководители.

Власть ничего не смущает. Коллеги рассказали мне о маленькой хитрости. Их директор в надежде на то, что, увидев плачевное состояние школы, ему помогут, пригласил к себе поработать на время ремонта здания городскую лицензионную комиссию. Затрудняюсь сказать о полученном чиновниками эстетическом удовольствии от разрухи, но школа продолжает стоять в прежнем обшарпанном виде.

Потерявшее оригинальность утверждение: «Денег нет и не будет» — давно стало вне-сезонным хитом. Тем не менее отдельные школы и даже детские сады умудряются не только

не разрушаться до основания, но и проводить ремонт. Это ли не русское чудо? Властям, которые во всём мире опекают и обихаживают свой народ, в нашей стране нет дела до школы, но мы назло всему живём и учим наших чад выживать.

Когда видишь, как кипят в некоторых учебных заведениях ремонтные работы, в голову приходят самые экзотические фантазии. Я бы, например, предложил директорам объявить среди старшеклассников конкурс на роспись стен их альма-матер. И, разрешая всевозможные граффити, поставил бы только два условия: предварительно оштукатурить и покрасить (создав эффектный фон) стены школы и обойтись без нецензурщины. Мой личный опыт показал, что всё может быть не так уж страшно. Несколько лет назад кто-то из моих учеников после посещения выставки Казимира Малевича решил вступить в состязание с известным авангардистом и, недолго думая, изобразил знаменитый «Чёрный квадрат» на стене одного из школьных коридоров. Получилась эффектная копия, впрочем, имя её автора не сохранилось.

В прошлом году мой приятель, у которого я гостил в одном из южнороссийских городов, привёл меня на презентацию. Нет, открывался не новый банк и не магазин, а буквально восстановленный из руин детский сад. Среди порядком обветшавших домов он казался оазисом благополучия. Восстановивший его бизнесмен «пробил» в одном из фондов грант, добавил немного своих денег, немного денег города и создал эту сказку. Но всё очарование пропало, когда я услышал, сколько ежемесячно будут платить родители, отдающие сюда своих чад. Правда, родители даже не поморщились, услышав названную сумму, превышающую очень приличную зарплату.

Лично же для меня ремонт в детском саду, куда ходят мои дети, вылился в некупленные новые зимние ботинки. Ну, ничего, похожу пока в стареньких, зато на моих малышей не упадёт кусок штукатурки с потолка и под ними не провалится пол. Только кажется мне, что если всё пойдёт так и дальше, то старые школьные здания отдадут под рынки и магазины, а те, в которых будут учиться внуки, придётся возводить методом народной стройки. Наши дети, осваивая незнакомые профессии, будут не спеша обтёсывать брёвна, покуривая самокрутки и рассуждая, как тяжело достать лес и гвозди. Другое дело, что теперь понятно, чему их учить на уроках труда.